

Для друзей ты — как большое небо,
Как в пустыне — чистая вода,
Ты другим для них, похоже, не был,
И уже не будешь никогда.

Это я легко могу представить.
Да и позавидовать слегка
И тому, как можешь землю славить,
И тому, что пишешь — на века!

В кочегарке сочинений стопки —
Не пустые, праздные слова:

В каждом чувстве — сердце на растопку!
Что там уголь, торф или дрова?

Говори! Тебя хочу я слушать!
Всё, как есть, до боли, без прикрас.
И в чужих умах сомненья рушить:
Ничего нет лучше, чем у нас!

Ничего! Пусть — тяжело, но — по силам!
Пусть с разгону страсти — под откос!
Вместе с тем, что дорого и мило:
Первый снег... берёзы... жёлтый плёс...

* * *

Я, как ты, люблю твои берёзы!
Я, как ты, стораю от любви!
И вкрапляю в многолетье прозы
Рифмы, забродившие в крови.

Дух твой не сокроют воды Леты:
Сколько сотворца не хорони...
Не молчи! В сердца иных поэтов
Хоть словечко сверху зарони!

Между строк твою деревню вижу
И в печи бунтарский пляс огня...
Русские! А значит, нет нас ближе.
Россияне — кровная родня!

Нет нигде твоей Отчизны краше:
Ни заката краше, ни зари...
Говори же! Через память нашу!
Через души наши — говори!

* * *

В дырявой крыше тёмный лоскуток —
Усыпанное звёздами рядно.
И кажется, как будто бы оно
Повешено на лунный жёлтый рог.

Как голову дурманит этот мёд!
Кузнечики стрекочут вдалеке.
Лягушек слышно где-то на реке.
Кометы рассекают небосвод.

Ах, как благоухает сеновал,
В покосе луговых цветов и трав,
Весь аромат земли родной собрав!
Нет, тот не жил, кто на траве не спал!

И эта ночь, и старенький навес,
Деревня, сено, стрёкот, свет во мгле —
Такой великий гимн родной земле,
Что равен лишь величию небес!

На Ангаре

Дрожит над рекою трескучею хмарь,
лежит бахрома на деревьях — повсюду
студёное зимнее русское чудо.
Крепчает и пробует силы январь.

И мнится — морозам не будет конца.
На окнах узоров прозрачные сетки.
Цветут белым инеем голые ветки
торжественно-тихий берёз у крыльца.

Дымят, разомлев от печурок, дома.
На снег высыпают следов синих бусы
красавиц ли русых, юнцов ли безусых,
которым зима посвящает тома —

живые тома белоснежных страниц —
и, в холод горячие чувства вплетая,
то пухом лебяжьим с небес опадает,
то льдинками с длинных пушистых

ресниц.

* * *

В уединении ты для меня — толпа.
Остановись за дверью и не шевелись.
Пускай просыплется январская крупа
И занесет тропу в мерцающую высь:

Здесь, в лабиринтах детства воскрешаю дни...
Молчи! Разрушить их способен звук любой.
Сусальным золотом пишу портрет родни,
Большим созвездием, цветущим над тобой:

Живым, подвижным и блистающим, как снег
Под лунным шаром, мерно льющим мягкий свет...
Пусть хоть на несколько минут замедлит бег
Река житейская невозвратимых лет.

С тобой мы связаны... Не жги свою свечу
И не зови — я потеряться не боюсь.
Еще одну звезду в созвездие вкручу —
К тебе сама на нити шелковой спущусь.

* * *

Я снова сон зову, беру его измором
и без движения лежу, гляди ж: сомкнулись
давно уж веки. Мне подобно, горы
все в тучи снежные вершинами уткнулись,
и небо выгнулось над ними чёрной аркой...

Но сон не жалует меня. Я поднимаюсь,
деньки в карманном календарике считаю,
разгорячённым лбом к окошку прислоняюсь
и встречи в памяти, как листья, собираю
в большой букет благоухающий и ярких.

Ты далеко. В тайге раскинулась палатка,
её я видеть не могу, я представляю:
у ног твоих ещё горят костра остатки,
тебя десятками сердечек согревая...
моё — одно из них, поэтому не сплю я.

Шагнёшь, и эхом веток хруст дойдёт до слуха,
сердечко ухнет, как тугой шаманский бубен,
и призовёт к себе таёжных добрых духов,
и оберегом-заговором дрогнут губы,
твоей щеки коснувшись долгим поцелуем.

Шепну на ветер, чтоб тебя он не тревожил,
и не играл в волнах загруженной лодкой.
Шепну на воду, чтобы, быстрый бег стреножив,
река вдруг стала и покладистой, и кроткой,
забыв на несколько недель свои повадки.

Шепну на звёздочку, мелькнувшую за тучей,
чтоб освещала путь твой в темени кромешной.
И на тебя шепну... шепну на всякий случай:
«Прости нас, Господи, ты знаешь — все мы грешны...
Пусть безмятежным сном он спит в своей палатке».

Всмотрюсь в густую темноту, всмотрюсь поближе,
туда, где в полночь обрастают плотью тени,
и в полудрёме я в одной из них увижу
себя подругою сибирского оленя.
И сон, как жизнь... а что реальнее, кто знает?

Вот я зову его, и голос мой неистов.
Не замечаю я ни шорохов, ни взглядов.
А он торопится по скалам каменистым.
Ко мне торопится! Одной! И вот он рядом...
Но вдруг, как выстрел, сон будильник прерывает.

Рассвет забрезжит, вскипячу на плитке чаю.
Яснее станут очертания и звуки.
А ты в костёр дровишек бросишь, приседая,
и заигравшему огню подставишь руки,
из котелка черпнув чайку железной кружкой.

Уйдёшь с ружьём, укрывшись в зарослях таёжных,
что от костра помянут зовом первозданным...
А мне вдруг станет так тоскливо и тревожно.
Я пошатнусь и, выйдя мокрая из ванной,
вдруг упаду ничком в холодную подушку...

* * *

Вот бы создать образ
светлой живой зорьки
с запахом трав спелых
терпких и чуть горьких.

Или — как смоль, чёрной
ночи в пыльце злата.

Иль — что ещё проще —
мглы в дождевых латах.

Только б он был — образ!
Образ моей сути.

Что зажигать солнце
в чьих-то глазах будет.

* * *

Ах, в небе час цветения жарков и алых маков.
И шелест звёзд, как музыка, плывет издалека.
Рождается любовное томление. Однако
Бодливою коровой упирается строка.

Рога ломать не стану. Развалюсь на старой даче
И руки запорокину: благодать — сойти с ума!
И — поздно или рано, но строка — а как иначе? —
Позволить стать картиною запросится сама.

* * *

За осеннюю остудой	Знать любовь — уже не бедность...
Да за зимнею пургой	Но слезу смахну рукой —
Прежней я уже не буду.	Вновь луны больная бледность
Предназначено судьбой	Растревожила покой.

Колесить по белу свету —	По лихим дорогам — снова,
На пути моем не стой! —	По ухабистым, крутым —
Вслед за медною монетой,	Вслед за словом, словом новым,
За монетой золотой.	Вслед за словом золотым.

Боярышник

Боярышник в огне страстей пылал.
Зардевшись. Как талантливый актер,
Выгаликвивая чувства вместе с кровью
Из сердца, изнутри, из глубины —
За осени обветренный шатер,
В котором день последний доживал —

О том еще не знал! Был не готов...
А осень вся —

иконой золотой —

Наполненная светом и любовью —
Уж в этом виновата без вины! —
Играла сотней радуг, красотой
С восторгом осыпавшихся цветов,

В сиянии раскрывшихся едва —
Такою в сердце взял ее поэт.
И возродил в стихах с такою новью,
Что не бывало даже у весны...
А в стороне, роняя лист на след,
Боярышник процеживал слова.

Изменница! Но — как же хороша!
Такую, право, жалко на костер!
Не лучше ли обречь на долю вдовью,
В которой краски тёмны и черны?
...И под зимы серебряный топор
Смиренно куст склонился не спеша.

* * *

Каким, скажите, сердце быть должно
На прочность:

на удар и —

на разрыв?

...ОН снова курит в тусклое окно,

О времени

и о себе

забыв.

Причина влажных глаз — отнюдь не дым.

ОН видит, как темнеет небосвод.

ОН знает —

ЕЮ

больше

не любим.

И знает —

от НЕГО

ОНА

уйдет.

Уйдет к тому, кто более везуч,

Кто верит, что для радости живем.

И двери наплывающий сургуч

Со скрипом запечатает проём.

И надо что-то делать! Быть сильней!

И — хватит злых упреков! Хватит слез!

Сейчас докурит, повернется к НЕЙ,

С улыбкой отозвавшись на вопрос...

* * *

Я вновь оставила снега,

Вдыхая чуждое, иное.

Промчалась вечность стороною,

Как зверь, пустившийся в бега, —

Но нет, не вызрела вина

За то, что света было мало.

Тебя покинув, я искала
Неомраченное начало
Того, в чем истина жила,
Презрев тела.

День красным подводил черту,
Мгла обнимала смуглый город —
Там, за окном... И в эту пору
Душа вживалась в пустоту.

Вдали кипела жизнь. Она
Меня совсем не замечала,
Цвела, искрилась и звучала,
Неслась от шумного причала,
Где я причалом быть могла,
Но не была.

А мир, закрученный в спираль,
Чудил и плакал, жил собою,
Входил безудержной весною,
Веснушки спрятав под вуаль —

И то была моя весна!
Она смеялась, льды ломала.
Душа от счастья ликовала,
Взлетев туда, где без штурвала,
Без кормчего — кругла, светла —
Луна плыла.

Но всюду: где синее плёс,
Где звёзды жгут, где дремлют горы,
Хрустящий от крахмала ворот
И седина твоих волос

Глаза слепили вспышкой сна.
Душа хрустальный дождь роняла.
Ночь утешенье обещала,
Все не прощенное прощала —
И — то не сразу поняла —
Тебя звала.

А ты уже входил в рассвет,
И, сновиденье отпуская,
Меня держал, держал у края
Мирка, сходившего на нет.

Едва качаясь, пелена
С зеленых влажных глаз спадала:

На месте мокрого причала,
Где чайка белая кричала, —
Стена в цементный пол вросла,
Сложив крыла...

* * *

Ты не звони, не пиши и не спрашивай,
Как я живу, по тебе не скучаю ли.
Я научилась не помнить вчерашнее,
Что потерять мы не чаяли.

Ветер, в попутную сторону дующий,
Жизнь мою правит. Всё просто и слаженно.
Кто-то любовь видит в доме пустующем
Через замочную скважину.

Кто-то мне радуется, кто-то хмурится,
Кто-то присутствует тенью скользящею
Всюду — по кухне, по комнатам, улицам,
И моему настоящему.

Месяцы, годы... душа неприкаянна —
Сколько надежд не вынашивай.
Я позволю тебе — тоже нечаянно...
Только...

Ты только не спрашивай...

* * *

Мне вспоминается, как шли
С тобою молча в грязь и морось,
Чуть увеличивая скорость —
Темнело скоро. И вдали

Сказал ты: «Думаю, араб —
Я видел караван однажды...»
Старик ответил тихо: «Жажда.
Ты без неё и стар, и слаб.

Уж загорался свет в домах,
Был слышен редкий лай собачий,
А от села старик незрячий
Навстречу в рваных сапогах

И — мёртв, когда нет жажды жить.
В том страха нет, но нет и смысла,
Что ночь, как меч, опять нависла —
А жажды, жажды нет — любить...»

Едва влачил. Он спросил —
Так неожиданно и странно —
О том, что движет караваном,
Когда идти уже нет сил?

Темнело быстро. В окнах свет
Вдали мигал. Мы ускоряли
Шаги. И мысли отгоняли
О том, чего меж нами нет...